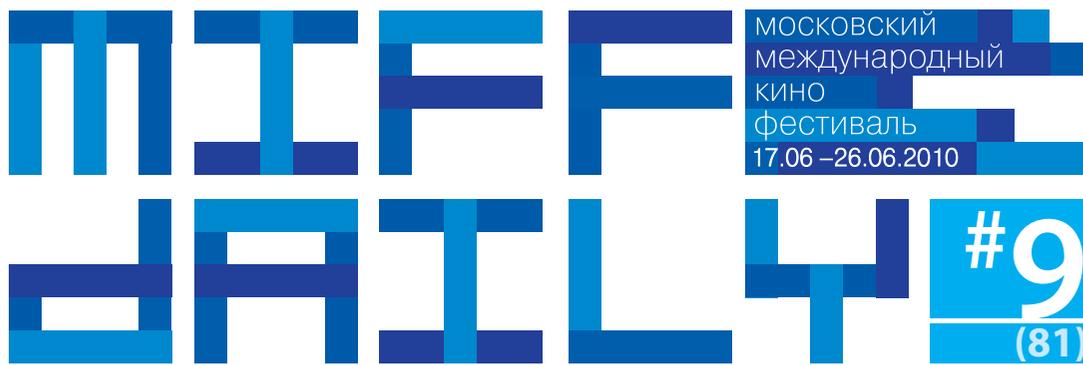

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

МОСКОВСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КИНО
ФЕСТИВАЛЬ
17.06 – 26.06.2010

#9
(81)

ЭМИР З. КАПЕТАНОВИЧ
Сложно быть профессиональ-
ным актером среди непрофес-
сиональных людей
EMIR Z. KAPETANOVIC
It is hard to be a professional
actor among unprofessional
people

МИХАЭЛЬ КОЭН
Чем меньше денег, тем больше
свободы
MICHAËL COHEN
The less money you have, the
more freedom you get

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АДЕЛЬ

ЛЮК БЕССОН

В Москве я видел много счастливых лиц и
девушек в коротких юбках – вам очень повезло

LUC BESSON

In Moscow I've seen many happy faces and a lot of
girls in short skirts – I think you're very lucky

ЭММАНУЭЛЬ БЕАР
EMMANUELLE BEART
стр. 3

**НЕВЕРОЯТНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АДЕЛЬ**
LES AVENTURES EXTRAORDINAIRES
D'ADELE BLANC-SEC
стр. 4

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД ДОМОЙ
LAST TRAIN HOME
стр. 5

ХОЛОСТЫЕ ВЫСТРЕЛЫ
MINE VAGANTI
стр. 4

ФОТОРЕПОРТАЖ 32 ММКФ
PHOTO-REPORT OF 32 MIFF
стр. 6-10

И КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ...

Интервью с Эммануэль Беар

– Зрители и критики не раз обращали внимание на то, что в каждом новом фильме вы очень разная.

– Актерская игра находится в прямой взаимосвязи со степенью зрелости актера. В двадцать лет мы не можем сыграть так же, как в сорок. Как я уже говорила однажды, актерская профессия сродни профессии путешественника. Это все равно, как если бы снимали один фильм в Китае, а другой – в Америке – эти два фильма были бы настолько же далеки друг от друга, как эти две страны. И каждый человек, каждый режиссер, которого я встречаю – они сами по себе «отдельная страна». Лично я всегда надеюсь, что новая роль изменит мою жизнь. Иначе, зачем этим заниматься?

– К вам всегда приковано внимание поклонников, прессы. К этому тяжело привыкнуть?

– Я научилась не обращать внимания на взгляды других. Я думаю, одиночество никак не соотносится с количеством людей вокруг вас. И я не боюсь одиночества, я его даже люблю. И я очень хорошо умею абстрагироваться от того, что происходит вокруг.

– Как вы считаете, нужно ли актеру не ограничивать себя одним искусством, а быть открытым к любым его видам и проявлениям?

– Я уверена, что это необходимо. Вообще в моей жизни было очень много борьбы, в том числе, борьбы за

искусство. Я считаю, что с самого раннего детства, со школы все мальчики и девочки имеют возможность открыть окна своего дома, благодаря искусству. Поэтому я привыкла воспринимать художников, людей искусства, писателей как своеобразные векторы, которые направляют нашу жизнь – это как бы компаньоны, сопровождающие нас по жизни.

– Вы постоянно участвуете в кинофестивалях, номинируетесь на премии. Что для вас значит получение премии?

– Это мгновенные и приятные переживания, это результат моей работы, но это не то, что заставляет мое сердце биться. Сердце заставляет биться сам процесс

работы. Важны интересные люди, с которыми удастся поработать, важно само путешествие, а приз – это просто подтверждение того, что результат твоей работы был признан и оценен.

– Когда опытная актриса работает с начинающим режиссером, нет ли искушения что-то подсказать, вмешаться?

– Я так не поступаю и, в общем, считаю, что капитан на корабле – это режиссер, он руководит всем и актерами, в том числе. Да, конечно, иногда я могу почувствовать, что корабль начинает плыть не в том направлении, что сейчас будет буря, но бороться с режиссером довольно сложно, и, в принципе, актриса не может занять место капитана, это не ее роль. Потому что фильм – это не одна актриса, а команда актеров. Это как в спорте – игрок не может быть тренером команды.

– Мы делаем интервью с переводом, но возникает ощущение, что вы понимаете вопросы и так. Вы владеете многими языками?

– Итальянский – это мой семейный язык, как и греческий. Это языки, которые я слышала всю жизнь, поэтому я их могу понимать, но в общем, да, мне кажется, во мне есть что-то такое органическое, и я могу понимать и чувствовать – пусть, не всегда точно – многие языки. Кроме того, актерская профессия сама по себе является универсальным языком. Профессия актера – она как бы вне языка, это такая общая способность понимать и чувствовать.

– История героев фильма «Это начинается с конца» – очень искренняя, и, во многом, это заслуга вашей игры...

– Не нужно быть великой актрисой, нужно быть великим режиссером. Очень важно не «что», а «как» – как сделана картина. От этого зависит многое. В этом фильме мы пытались показать сущность человеческого существа – без всяких фильтров, в живом виде. И я считаю, что Михаэлю это удалось, он смог открыть какой-то очень честный взгляд на меня. Я работала со многими режиссерами, со многими знаками, но я давно не встречала человека, для которого не существует внутренних запретов, цензуры... Для которого нет никаких границ. Страсть – это очень деликатная тема, потому что тут всегда есть ощущение, как будто подглядываешь в дверной глазок. Поэтому зритель во время просмотра может почувствовать некое насилие над собой, особую мощь, направленную на него с экрана. Это то, что почувствовала я, когда смотрела этот фильм – но именно это мне кажется наиболее интересным.

САМАЯ СЧАСТЛИВАЯ ДЕВУШКА НА СВЕТЕ

ФИЛЬМ ЗАКРЫТИЯ Невероятные приключения Адель (Les aventures extraordinaires d'Adèle Blanc-Sec) / Реж. Люк Бессон

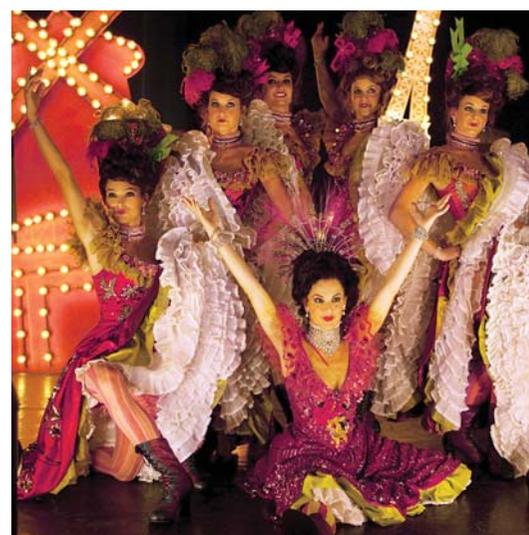
В Париже 1911 года престарелый профессор Эсперандье силой мысли заставляет доисторического птеродактиля вылупиться из яйца, хранившегося в Музее естествознания, и тот на радостях с энтузиазмом крушит не вовремя попавшийся ему под клюв автомобиль, внутри которого некто находился префект и танцовщица из Мулен-Руж. В это время другой ученый – юный Анджей Зборовски – пишет любовное послание девушке своей мечты – прославленной журналистке и искательнице приключений Адель Блан-Сек. Ее, впрочем, во время этих волнительных событий все равно нет в городе: пока издатель думает, что мадмуазель Адель высоко в горах Перу ищет разгадку тайн древних инков, мадмуазель в Египте пытается похитить из гробницы мумию личного врача Рамзеса Второго. Мумию она планирует исполь-

зовать в личных интересах: заручившись поддержкой того самого профессора, девушка хочет оживить древнего эскулапа, чтобы тот излечил ее больную сестру. Обстоятельства, впрочем, складываются таким образом, что этот хорошо продуманный план может – существует такая крохотная вероятность – не сработать.

Каждый, кто когда-либо бывал в египетском зале в парижском Лувре, ближе к финалу новой картины Люка Бессона – когда по ночному городу начнут разгуливать интеллигентные мумии – испытает острое чувство узнавания собственных давних подозрений. После ознакомления с соответствующей экспозицией кажется, что именно так оно и происходит: всемогущие мумии выходят по ночам на парижские улицы – проветриваться, немного погулять прохожих. Собственно, кажется, что Париж, благодаря различным кинематографическим оммажам, давно превратился в одно большое клише: самый романтический город на свете, Эйфелева башня, задержите дыхание от восторга. В то же самое время киношный Париж – он гуттаперчевый, кажется, что он стерпит любые, самые невероятные интерпретации. Стерпит он и птеродактиля, и мумий, и полицейских-дураков (впрочем, в редких фильмах приключенческого жанра встречаются другие полицейские) – даже не в них, в общем, дело. На руинах чужой придуманной вселенной – на основе комиксов Жака Тарди – Бессон выстраивает свой собственный Париж, как сейчас умеют придумывать и обустройства свои миры лишь немногие из режиссеров.

История девушки Адель, как в свое время история другой девушки с мелодичным именем на букву «А», полностью подчиняет себе пространство, в которое она встроена. Это не комикс и не сказка – вполне себе авторское кино в

жанровой оболочке. Его особая легкомысленная интонация – не флирт со зрителем. Оно – производное от искреннего, восторженного взгляда ребенка, не просто впитывающего в себе волшебную историю, а проживающего ее, который упорно, всему «Еврокорпу» назло, хранит в себе Бессон. Его кинематограф всегда отличался авторским умением совершенно искренне

смотреть на своих главных героинь снизу вверх. И в этом, наверное, тоже заключена немалая часть специфического кинематографического волшебства – в способности в мадмуазельке с довольно скверным характером, постоянно, к тому же, разгуливающей в дурацких шляпках, совершенно искренне увидеть лучшую девушку на всем белом свете.

Ольга Артемьева

ПОЕЗДА ПОД ПРИСТАЛЬНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ. ПРОГРАММА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

Последний поезд домой (Last Train Home) / Реж. Лисинь Фань

В документальном фильме о нашей провинции, сделанном лет десять назад, одним из героев был фермер. Простой русский фермер, рейдерами битый, кредиторами пуганный, налогами разоренный, стреляный воробей и живучий. У него весь урожай гречихи перекупщики стырили, а он, знай себе, разговаривает с режиссером в таком духе: «Знаешь, я пахать люблю. Люблю пахать. Дымка над землей стоит – вроде земля дышит, как рот весной на заморозки. Земля от живности шевелится, мелкая гадость из-под плуга лезет, насекомая... Живет всё, когда землю пашешь».

Тот самый фермер, гедонист и энтузиаст, приходит на память, когда смотришь «Последний поезд домой». Кажется, что вот она, пашня – немислимо-огромное поле китайской жизни, а фильм идет по нему животворным плугом... И дышит грубая, комковатая, кишащая мелкой жизнью китайская почва.

Мелкой – не в смысле незначительной. Как раз наоборот. Режиссер Лисинь Фань – канадец по гражданству и подлинный хуацяо, китаец, давно живущий вне родины, но не утративший с ней связи и заинтересованного к ней чувства. Он дебютировал как продюсер прославленного фильма прошлого сезона «Вверх по Янцзы», что, видимо, говорит об осознании им своей роли как хуацяо: он смотрит на Китай со стороны, но взглядом, полным нежности и сопереживания, а сосредоточен на ячеечке-комочке современного китайского социума – разделенной семье из провинции.

Папа с мамой и старшей дочкой, подростком на выданье, на заработ-

ках на городской фабрике, бабушка с младшим сынишкой осталась в деревне. Родительские сердца рвутся домой, к крестьянству, они лишь признали индустриальное зло неизбежным. Девчонка очарована городом-цивилизацией. А бабушка тщится хранить устои и отчаянно возделывает почву. Занятие ныне архаичное, неприбыльное, да и нереспектабельное. Родители это поняли с горечью, девчонка – с озорным азартом

юной ожидательницы «первого бала». У них теперь конфликт – миропонимания и целеполагания. Оттого отцу, крепкому с виду, всего-то 40-летнему, неможется, а мать за ним встревоженно ухаживает – все шмыгает за занавеску, где он лежит – в том же цеху, где и их работа... Но потом они соберутся с силами, клетчатыми тюками и баулами и поедут на Новый Год домой. Но много в Китае таких, как

они, «трудовых мигрантов». Поезда не вмещают всех желающих уехать на праздники на родину. И тут...

И тут мы – мы с вами, те, кто в зале, – окажемся на вокзале. На вокзале китайского города средней руки (каких-нибудь миллионов 15 жителей). В оцепленной полицией многотысячной толпе. Фань, кропотливо снимавший фабричную работу, прифабричную жизнь родителей и околофабричные

девчоночьи развлечения, отважно ринулся со своими героями в толпу рвущихся домой, и его с камерой мнут, оттирают, но он теперь в самой гуще «человеческой икры». Его смелость войти в чужую жизнь и чужие муки гарантирует интересный эффект: у каждой «икринки» появляется лицо, а в нем проявляются индивидуальная драма, и отчаянное стремленье, и тяга к дому, и

любовь к нему, которая, черт дери, так и не теряется в грохоте «экономического чуда», безжалостно срывающего с человеческого почвы Китая вот этот, самый работающий плодородный слой.

...В деревне же семью ждет лишь подтверждение необратимого семейного распада, а нас – страшная сцена, скандал отца и дочери, зримый конфликт поколений, города и деревни, двух укладов, которым не сойтись. Фань тут поступил по законам русского романа, по-толстовски – от судьбы народную, эпической, прямо перешел к лирической судьбе человека. Бросил даже намеки на обобщение, социологическое представительство одной семьи от лица целого социального слоя. И снял – за задником социально-экономических процессов – родных людей, необратимо, навсегда расстающихся.

В этом фильме нет ничего от принятого теперь в мировом документально-фестивальном движении тренда, который я называю InterNational Geographic. Это когда авторы из «продвинутых» стран кропотливо просвещают зрителя насчет жизни и судеб людей из стран «развивающихся» с целью вызвать в нем, более благополучном, чувство всемирной солидарности. Высокое, гуманистичное, но все же отдающее зоопарком – кислотным, дико-животным запахом экзотики, на которую вроде бы падок цивилизованный потребитель. А Фань внедрился вглубь, в родную почву, обнажив живую жизнь, в ней упорно шевелящуюся.

... Хуацяо считаются дополнительным ресурсом китайского развития – они подпитывают историческую родину твердыми зарубежными валютами. Ну, и вот этим, что сделал режиссер Фань, тем, что трудно описать словами, даже если вдвое превысишь отведенный редакцией лимит для твоей рецензии в 2 000 знаков.

Виктория Белопольская

СКРЫТОЕ

СЕКС. ЕДА. КУЛЬТУРА. СЛАВА Холостые выстрелы (Mine Vaganti) / Реж. Ферзан Озпетек

Ферзан Озпетек стоит особняком в итальянском кинематографе, оставаясь верным теме сексуальной идентичности, которую большинство режиссеров старательно обходят стороной. И на этот раз Озпетек не изменил себе, сняв по сценарию Ивана Котронео фильм о том, как геи пытаются отстоять свое место в современном обществе. Проблема усугубляется тем, что действие происходит не в космополитичном Риме, а в небольшом провинциальном городке патриархального юга.

Картина Озпетека стала в Италии хитом – возможно, благодаря выбранной авторами оригинальной жанровой структуре, на грани эксцентричного фарса, в некоторых эпизодах доходящего до гротескного бурлеска, и грустной мелодрамы. Актерский ансамбль отвечает почти пародийному семейному раскладу, давно ставшему своеобразной визитной карточкой итальянской культуры, а завязка истории отсылает к фольклорной традиции. Старейший отец призывает сыновей, чтобы передать им бразды правления фамильным бизнесом – макаронной фабрикой. Но вот незадача: сыновья, что называется, дали петуха. Старший, Антонио набрался смелости открыто сказать, что он гей, а младшему Томмазо, приехавшему из Рима начинающему писателю,

не хватает решимости признаться в том же самом отцу, поэтому он старательно демонстрирует послушание, но явно тяготится новыми обязанностями.

Как выясняется, у каждого в этом доме свой скелет в шкафу. Каждый член семейства Кантоне, по сути, проживает не свою жизнь, вынужденно скрывая от других свою личную тайну и истово соблюдая девиз семейного предприятия: главное, конечно, качество, но, прежде всего, паста должна красиво выглядеть.

Фильм строится как симфония взглядов: сокровенное не может быть высказано, но оно сквозит в намеках и обнаруживается в проницательной реакции внимательных глаз. Центр повествования незаметно смещается в сторону бабушки, которая все понимает без слов в силу того, что много лет назад первой бросила в топку семейного благополучия собственное счастье. Оправдана ли ее жертва? Теперь, наблюдая за внуками, именно она, хранительница очага, подталкивает их к бунту против устоев: «Если жить чужой жизнью, то не стоит и жить». Бабушка преподает всем членам семейства непростой урок – ведь даже холостые выстрелы способны взорвать существующий порядок, и лучше все же делать свои ошибки, чем жить чужим умом.

Нина Цыркун

THE EXTRAORDINARY ADVENTURES OF ADELE BLANC-SEC (LES AVENTURES EXTRAORDINAIRES D'ADELE BLANC-SEC)

CLOSING FILM Dir. Luc Besson

In year 1911 in Paris an old genius professor Espérandieu by the strength of just his thought makes an ancient pterodactyl to pip from an ancient egg which was for many years placed in museum. The creature full of enthusiasm crashes the automobile, which was unfortunately ridden by former Paris prefect and a dancer-girl from Moulin Rouge. In this very time, another man of science – young Andrej Zborowski, writes a love letter to the woman of his dreams, which is the glorious journalist and adventurer, Adèle Blanc-Sec. She is absent in town, when all this extraordinary events happen: while Adèle's editor thinks she is in Peru exploring the secrets of ancient Incans, she is really in Egypt – trying to steal the mummy of the doctor of Rameses the Second. The girl plans to use the mummy for her personal advantage: with the help from professor Espérandieu she intends to bring the doctor back to life for he's probably the only person who can help her sick sister. But the disasters that are now happening in Paris threaten to ruin this perfectly elaborated plan.

Everyone, who has ever been to Egyptian exhibition hall in Louvre will probably have some kind of déjà-vu in the end of Luc Besson's new picture, where extremely intelligent mummies start to walk the streets of Paris at night. The thing is, having once seen this exhibition you cannot help but think that this is the way things really is in night Paris: mummies are walking the streets, scaring rare passer-by. For already long time now it started to seem that Paris – due numerous films about it – has turned into some kind of cliché. And at the same time Paris in cinema seems to bear every single interpretation that author would prefer to choose. It will bear even pterodactyl, mummies and stupid policemen (although in the films of such genre there never turn out to be other kinds of policemen) – it doesn't matter much anyway. Basing on comic books by Jaques Tardi Besson builds its own Paris – and he does this in a way, which is now quite rare, only few modern directors manage to do it with sincere inspiration.

The story of Adèle – just like the story of the girl named Amélie – puts the screen space under supervision and controls it. It is not really a comics or a fairy tale – it's "auteur cinema" in a cover of genre. The careless intonation of the film is not a flirtation with audience. It comes from a sincere look of a child, which Besson carries with him though all his career. His films were always notable for a sincere ability of the author to watch his heroines from below. And it seems like the part of specific cinematic magic is the ability to see the best girl in the world even in a girl with bad temper and weakness for ugly hats.

Olga Artemieva

LAST TRAIN HOME

FREE THOUGHT. DOCUMENTARY CINEMA PROGRAM Dir. Lixin Fan

The main character in a documentary about our provinces was a farmer. A simple Russian farmer, who had suffered from raiders, who had been threatened by creditors, ruined by the taxes, in a word, a wise old bird and pretty tough at that. Resellers stole his entire crops of buckwheat and still he said to the director something like this: "You see, I like ploughing. I do. Mist above the soil, as though the earth were breathing, like vapour from the mouth in the spring. The soil stirs with the insects and worms, small creatures rush away from under the plough... Everything comes to life when you are tilling the soil".

I remembered that sunny, hedonistic and enthusiastic farmer when I was watching "Last Train Home". I had a feeling that here it was, the incredibly immense tillage of Chinese life, being ploughed with this resuscitating movie... The rough, lumpy Chinese soil filled with small creatures comes to life.

"Small" does not mean insignificant. On the contrary. The director Lixin Fan, a Canadian citizen, is a true Huáqiao, preserving the link with and interest in his homeland. He debuted as a producer of the famed movie of the past year "Up the Yangtze", which is probably the evidence of his acceptance of his position as a Huáqiao: he looks at China from the outside but with eyes filled with tenderness and compassion, and the focus of his attention is the smallest lump-cell of Chinese society, a divided provincial family.

Mother, father and the elder marriageable daughter are earning money at a town factory, while the grandmother and the younger brother are left behind in the village. The parents' hearts long for their village, for the farm labour, they have barely accepted the inevitability of industrial evil. The girl is enchanted with the town civilization. Grandma tries hard to preserve the habits and desperately tills the soil. This occupation now seems archaic, unprofitable and not too respectable. The parents realize it with bitterness, the girl with youthful excitement of the "first ball". Now there is a conflict between their world outlooks and moral values. That is why the seemingly robust 40-year-old father does not feel well and the mother is taking care of him in alarm and keeps sneaking behind the curtain where he is in bed, in the same workshop where they work... But then they will muster all their strength, pack their checkered bags and head home for the New Year. But there are lots of "migrant workers" in China, just like them. The trains can't carry all who wish to go home for the holidays. And then...

And then we – all those in the cinema hall – will find ourselves at the station. At the station of an average Chinese town (only some 15 million people). Among thousands of people, cordoned off by the police. Fan, who carefully recorded the work at the factory and the entertainment of factory girls, bravely rushed into the crowd of people, heading home. Together with his camera he is pushed, squeezed, kicked, but he is in the midst of "human spawn". His courageous attempts to enter the life and sufferings of other people guarantee an interesting effect: each egg gets a face and an individual drama, a burning desire to get home, and there is love for this home which has not been lost in the roar of the economic miracle, mercilessly reaping from the human Chinese soil this fertile working layer.

What awaits the family in the village is more evidence of the inevitable family decline. And what awaits us is a horrible scene of the quarrel between the father and the daughter, a visible generation gap, a conflict between town and village, between two ways of life which cannot coexist. Here Fan followed the rules of Russian novels, worked in the style of Tolstoy, switching over from the epic destinies of the people to the lyrical destiny of one man. He put aside any hints at generalizations, the sociological representation of the whole social strata through one family. Behind the veil of

socio-economic processes he shot relatives who were now irrevocably divided. This film has nothing of the popular festival-documentary trend, which I prefer to call InterNational Geographic. It denotes filmmakers from "developed" countries who carefully enlighten the audience about the life and destinies of "developing" countries with the aim of arousing in those "developed" nations a sense of world-wide solidarity. The high-flown, humanist feeling, but still with a tinge of the zoo, of this sour animal smell of exoticism, which the civilized consumer seems to fall for. As for Fan, he dived deep into the national soil, baring the vibrant life stirring in there.

Huáqiao are considered an additional resource for the development of China, ensuring the influx of stable foreign currencies into their historic motherland. One of these resources is this film of Fan's, which is so difficult to describe even if you twice exceed the limit of 2000 characters set by the editors for this article.

Viktoriya Belopolskaya

LOOSE CANNONS (MINE VAGANTI)

SEX. FOOD. CULTURE. GLORY

Dir. Ferzan Ozpetek

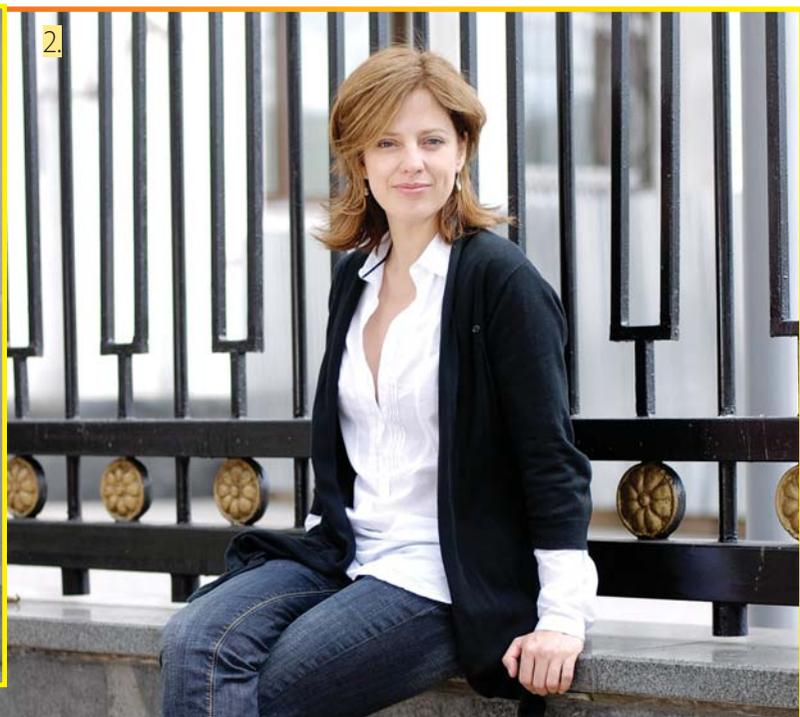
Ferzan Ozpetek has been a sort of outsider in Italian cinema. Not because he is Turkish-born, but due to his stubborn adherence to the theme of sexual identity, which is thoroughly avoided by his colleagues. And his latest "Loose Cannons" is not an exception: with his co-screenwriter Ivan Cotroneo he explores again the plight of homosexuals striving to find their place in contemporary society. The problem is especially complicated since the scene is laid not in tolerant cosmopolitan Rome, but in a patriarchal province in the South. Anyhow this time his film became a real hit in Italy, probably owing to luckily chosen genre hybrid of eccentric farce (up to burlesque in some sequences) and sad melodrama.

Brilliantly cast actors' ensemble adequately response almost parody family layout – a trademark of classical Italian cinema, and the introduction reminds of fairy-tale canon. An aging father calls upon his sons to entrust them family business – ironically a pasta factory. But he's got bad luck: the sons let him down. The elder Antonio (Alessandro Preziosi) has the guts to tell openly that he is gay. However, the younger Tommaso (Riccardo Scamarcio), an aspiring writer just from Rome doesn't dare to come out and views his new duties as a burden. Little by little it gets clear that every family member has one's own skeleton in the closet. All of the Cantone's clan forcefully live alien lives hiding some deep buried private mystery. Everybody has a personal reason, but generally they obey to the family motto: quality goes first, but pasta must also look fine.

The film is composed as a symphony of glances. The secrecy cannot be worded, but it shows itself through hints and is disclosed in reaction of attentive looks. The centre of narration is carefully shifted towards the Grandma (Ilaria Occhini), who needs no words to understand everything since many years ago she was the first to throw her happiness to the family hearth. Was her offering worthwhile? Now, watching her grandchildren, it is she who urges them to rebel against the foundation: "If you live somebody else's life, it's not worth living". Grandma gives the family desperate lesson, for even loose cannons may bring disorder that disturbs everything. And better make your own mistakes than live under somebody's guidance.

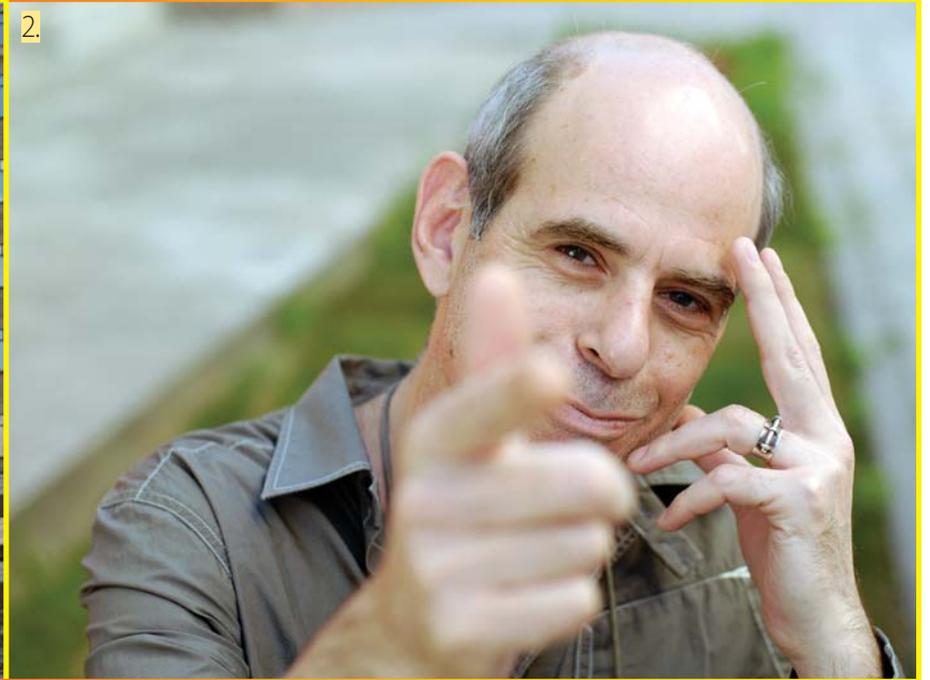
Nina Tsyrukun

32 ММКФ: ДЕСЯТЬ ДНЕЙ, КОТОРЫЕ...

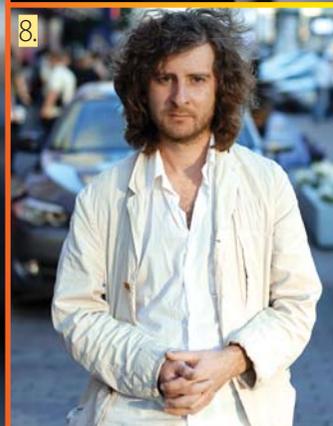
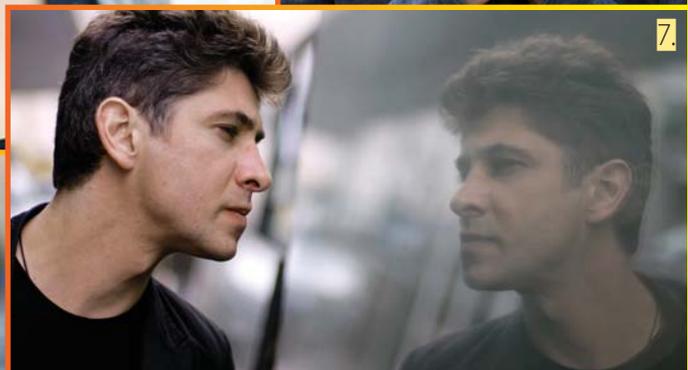
1. Жиль Лемэр, Лоран Кузон 2. Мария Молинс 3. Клод Лелуш 4. Павел Лозинский, Марцель Лозинский 5. Несли Чольгечен 6. Люк Бессон 7. Роберт Адриан Пежо 8. Юрий Фетинг 9. Марсель Раскин, Фернандо Морено 10. Борис Ланкош 11. Фирдуас Ахмятова 12. Стивен Иствуд, Эмир З. Капетанович 13. Джон Ирвин.
Фото **Владимира Максимова**

1. Отман Карим, Ульф Бруннберг 2. Шмуэль Маоз 3. Густав Виллен, Том Юнгман, Эмиль Юнsvик 4. Энеке Энесы 5. Гудрун Риттер 6. Ник Хелилай 7. Элиза Триана 8. Леван Когуашвили 9. Каролина Грушка 10. Кейон Адамс 11. Михаэль Коэн. Фото **Владимира Максимова**

ПОКОЛЕНИЕ «НОЛЬ»

1. Андрей Прошкин 2. Василий Сигарев 3. Борис Хлебников 4. Катя Шагалова 5. Алексей Попогребский 6. Алексей Мизгирев 7. Игорь Волошин 8. Николай Хомерики 9. Кирилл Серебренников. Фото **Владимира Максимова**

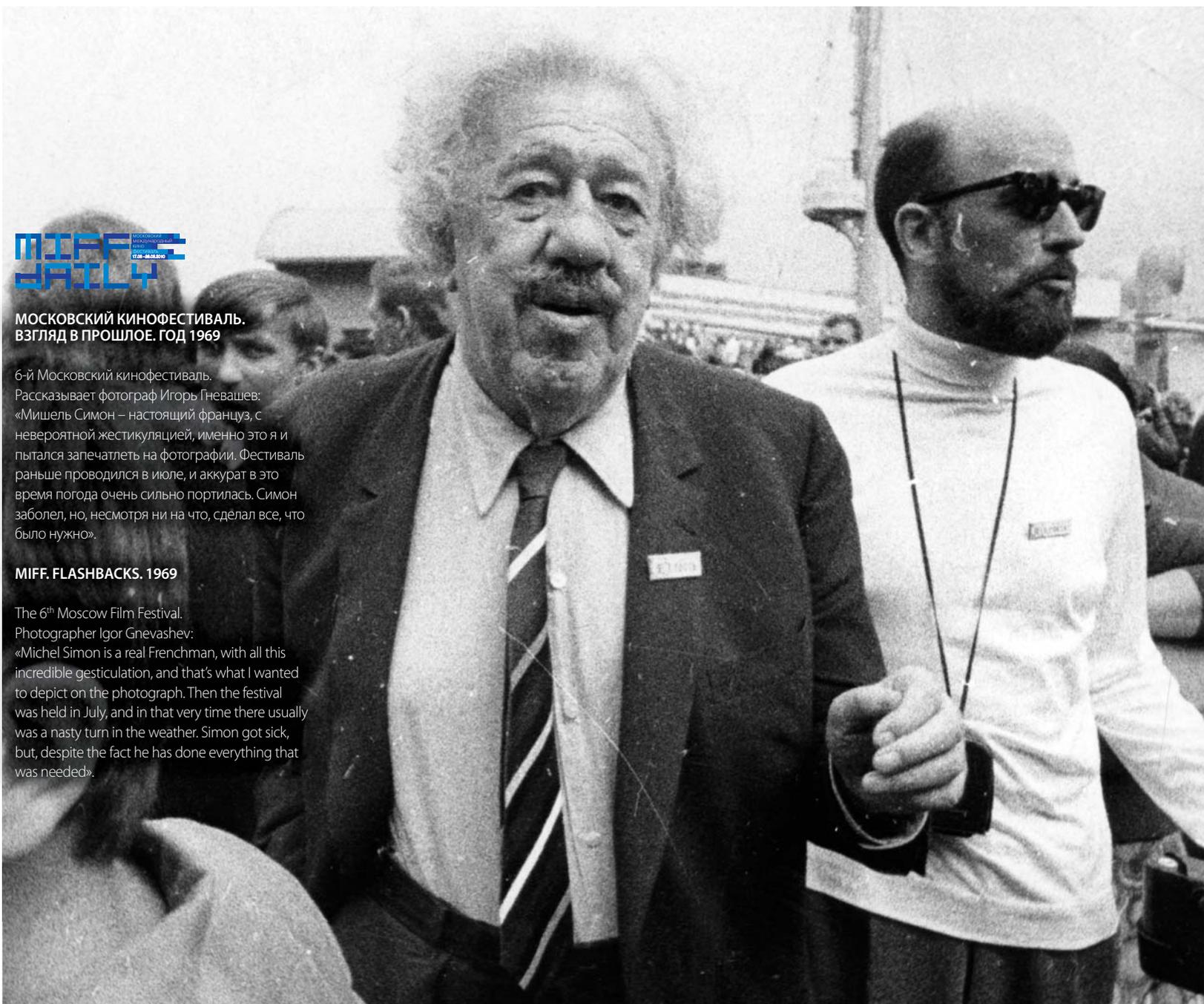

**МОСКОВСКИЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ.
ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ. ГОД 1969**

6-й Московский кинофестиваль.
Рассказывает фотограф Игорь Гневашев:
«Мишель Симон – настоящий француз, с невероятной жестикуляцией, именно это я и пытался запечатлеть на фотографии. Фестиваль раньше проводился в июле, и аккурат в это время погода очень сильно портилась. Симон заболел, но, несмотря ни на что, сделал все, что было нужно».

MIFF. FLASHBACKS. 1969

The 6th Moscow Film Festival.
Photographer Igor Gnevashev:
«Michel Simon is a real Frenchman, with all this incredible gesticulation, and that's what I wanted to depict on the photograph. Then the festival was held in July, and in that very time there usually was a nasty turn in the weather. Simon got sick, but, despite the fact he has done everything that was needed».

26 ИЮНЯ / JUNE, 26			
13.00	N.A.S.A. A volta, Абрикос, Бумага, В реале, Заводская девчонка, Игра, Не забудь меня / N.A.S.A. A volta, Apricot, Paper, Real, Factory girl, Game, Forget me not	Октябрь, 8	90
13.00	Авиаторша с Казбека / De vliegenierster van Kazbek	Октябрь, 2	104
13.00	Крепость / La forteresse	Октябрь, 5	105
14.00	Тора! Тора! Тора! / Toral! Toral! Toral!	Октябрь, 4	144
15.00	Ничего, Пластилин, Разделение, Туннель, Эдип / Nine De Rien, Plastacine, Separation, The tunnel, Oedipus	Октябрь, 8	90
15.15	Неоконченный фильм / Shtikat Haarchion	Октябрь, 5	88
15.30	Малышка / La pivellina	Октябрь, 7	100

16.00	Жизнь удалась / Lucky Life	Октябрь, 2	97
17.00	Албанец / Der Albaner	Октябрь, 8	105
17.30	Бананы / Bananas	Октябрь, 5	87
17.30	Розочка / Rózyczka	Октябрь, 7	118
18.00	Ливан / Lebanon	Октябрь, 2	93
19.30	Исчезновение Джулии / Giulias Verschwinden	Октябрь, 8	87
19.30	Последний поезд домой / Last Train Home	Октябрь, 5	87
20.00	Разные матери / Despre alte mame	Октябрь, 7	83
20.20	Дорогая Элис / För kärleken	Октябрь, 2	93
22.00	Это начинается с конца / Ça commence par la fin	Октябрь, 7	92

32 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
32 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 32 ММКФ / 32 MIFF SPONSORS

